

На самом деле, этот цвет сильно противоречил его высокомерному, властному образу.

— Но знаете, наш президент не испускает свои феромоны. Не знаю, как там в личной жизни, но обычно — совсем нет. Его способность к контролю на максимальном уровне, до такой степени, что даже золотые омеги едва их улавливают. О, кстати, вы знаете? О золотых альфах... и тому подобном?

— Не очень.

— Не интересуетесь?

Среди огромного населения бет мало кто не интересуется историями об альфах или омегах. Иногда из любопытства к тем, у кого есть второй пол, иногда из восхищения ими, ведь они, как известно, обычно обладают яркой внешностью и выдающимися талантами. А иногда из простого, праздного интереса к чему-то необычному.

Я и сам, хоть и считал его характер, грубо говоря, той ещё «занозой в заднице», тоже задавался вопросом, не золотой ли он альфа, из-за этой его особой ауры, так что я ответил, что мне не то чтобы неинтересно.

Так и есть. Как и ожидалось, он был золотым альфой. Результат настолько идеально совпал с моим предположением, что это было почти разочаровывающе. В конце концов, его внешность была настолько внушительной, сильной и прекрасной, что он мог бы служить идеалом для золотых альф.

Но то, что он совсем не испускает феромоны, — об этом я раньше не знал.

— Альфы и омеги — это, в конечном счёте, про репродуктивную способность... впрочем, не та тема, чтобы обсуждать её в деталях в таком месте. В общем, суть в том, что президент не на том уровне, когда его феромоны высвобождаются против его воли, или когда он беспомощно реагирует на чужие феромоны. Многие беты дискриминируют альф и омег, называя их зверьми, отказавшимися быть людьми, ведомыми инстинктами, но когда доходит до уровня золотого альфы, они могут контролировать даже свои гоны через феромоны, так что нет никаких оснований смотреть на них свысока из-за этого. Но они всё равно так делают. Закрывают глаза и затыкают уши. А потом продолжают нести чушь о том, что он торговец феромонами или что-то в этом роде, я имею в виду, серьёзно... кто бы говорил о достоинстве.

Единственным альфой в моём окружении была Мораэ, но она была не из тех, кто подробно рассказывает о себе как об альфе. Я же, в свою очередь, не настолько интересовался альфами и омегами, чтобы искать о них информацию.

Сведения о том, каковы золотые альфы или каков президент «Фантома», должно быть, общеизвестные истории в этой среде, так что то, о чём говорил господин Джухан, было, вероятно, просто темами, чтобы убить время, — вещами, которые не имели бы значения, даже

если бы о них узнал временный подработчик вроде меня, практически посторонний. И всё же, больше половины из этого было для меня новостью.

— Удивительно, не правда ли? Быть золотым альфой — это не просто так родиться; более чем на 50 процентов это результат собственных тренировок. А это значит, что он, должно быть, постоянно тренировался контролировать свои инстинкты с самого полового созревания, чтобы достичь такого уровня. Он так беззаботно улыбается, словно всё даётся ему легко, но... он не просто крепкий орешек.

Договорив, господин Джухан устремил взгляд на президента поверх наклоненного края бокала, попивая шампанское.

Проследив за его взглядом, я увидел, что тот мужчина по-прежнему был в центре компании, умело и мило задавая атмосферу.

Как и подобало владельцу и хозяину места, где проходила эта вечеринка, его улыбка была беспристрастна ко всем, но в то же время её градус отличался от обычной улыбки, и этого было достаточно, чтобы тот, кто не был к ней иммунен, всё понял неправильно.

В полном контрасте с враждебным отношением, которое он проявил ко мне, я попытался представить, как этот человек, тепло заботящийся о каждом госте, словно солнечный свет, сияющий повсюду одинаково, заставляет себя проходить одинокие внутренние тренировки там, где никто не видит, но это было нелегко.

Рядом со мной послышался хруст — это господин Джухан откусил ещё одно печенье.

— Но мне такое нравится. Когда ты становишься чертовски жёстким, чтобы получить желаемое. Снаружи выглядишь расслабленным, а под водой, стиснув зубы, гребёшь как проклятый, чтобы заполучить то, чего жаждешь.

Хрум-хрум, — решительно жуя печенье, господин Джухан ухмыльнулся.

Неужели это и вправду так?

Под водой, стиснув зубы, грести как проклятый — неужели и он вёл такую отчаянную борьбу?

С его нынешним видом, переполненным уверенностью золотого альфы, словно он с рождения владел всем на свете, такое было совершенно невозможно представить.

Даже сейчас, стоя со слегка расставленными ногами, бокалом шампанского в одной руке и улыбкой, он был, если немного преувеличить, похож на прирождённого правителя.

Я попытался представить, как он прилагает под водой мучительные усилия, но в голову нелепым образом пришла картина, как он крутит педали на одной из тех лодок-лебедей, что часто встречаются в парках аттракционов. Эта сцена ему тоже не шла, но её, как ни парадоксально, было легче вообразить.

Моё сбитое с толку воображение было ненадолго прервано появлением госпожи Юми, которая подошла к стойке, едва не спотыкаясь в своих босоножках на высокой платформе с толстым квадратным каблуком.

— Вот. Две работы проданы.

С крайне измученным лицом она бросила на стол небольшой блокнот. Господин Джухан поднял блокнот, его лицо просияло.

— Уже? Ты настоящий профи. Поменяемся?

— Ага. У меня уже рот сводит.

— Хорошо.

Словно запасной игрок на скамейке, ждавший своего шанса, господин Джухан, полный энтузиазма, направился в выставочный зал вместо госпожи Юми.

Похоже, госпоже Юми удалось продать две работы, обслуживая клиентов до такой степени, что у неё сводило рот. Поскольку я вчера работал с ней над подписями к картинам, я примерно представлял себе цены на висящие здесь произведения. Продать две такие дорогие работы меньше чем за час — она была профессионалом, как и сказал господин Джухан.

— Принести вам что-нибудь выпить?

Словно у неё не было сил даже ответить, госпожа Юми, сидевшая в кресле за стойкой и постукивавшая по ногам, кивнула головой.

— Есть сок и много чего ещё.

— Алкоголь. Принесите мне алкоголь.

— Шампанское подойдёт?

— Не в бокал, налейте в стакан для воды.

Следуя её указаниям, я наполнил самый большой стакан шампанским и возвращался к стойке, когда Учитель, которая обслуживала клиента шагах в пятнадцати-шестнадцати отсюда, слегка повысила голос в нашу сторону. Поскольку во всём выставочном зале было шумно, её тон не прозвучал особенно резко.

— Госпожа Юми, не могли бы вы принести из офиса книгу главного редактора? Она должна быть в моей сумке.

Я остановил госпожу Юми, которая уже почти рефлекторно собиралась встать, и протянул ей стакан.

— Я схожу. Я знаю, где она.

Я поспешил вниз по лестнице и снова достал книгу с того места, куда положил её незадолго до этого. Когда я передал книгу Учителю и вернулся к стойке, я почувствовал себя ребёнком, сдающим учителю списанную у друга домашнюю работу. Я не пытался проверить какую-то крупную аферу, но так нервничал, что едва мог повернуть голову в ту сторону.

— Директор Хан, вы даже подчёркивали, когда читали? Вы просто потрясающая. У вас есть этот особый подход. Многие покупают книгу, чтобы получить автограф и хорошо выглядеть. Но неужели вы думаете, я не знаю? Большинство из них просто покупают и даже не читают. Но наша директор Хан не относится к людям так. В ней есть искренность. Вот почему я не могу не раскошелиться, когда прихожу в «Фантом», понимаете?

К счастью, «Учитель», казалось, не заметила «списанной домашней работы». Она даже получила за неё похвалу.

Госпожа Юми, которая залпом осушила полстакана шампанского, словно это был виноградный сок, посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, точно так же, как и господин Джухан незадолго до этого.

— Вы даже успели сделать подчёркивания за это время?

Когда я кивнул на её шёпотом заданный вопрос, в ответ мне досталась сдержанная улыбка.

Изначально ли он рассматривал покупку, или это было импульсивное решение, принятое в пылу момента, но тот мужчина, главный редактор влиятельного журнала, даже проявил активное намерение купить, попросив порекомендовать картину для кабинета его недавно получившей повышение дочери.

— Пустяк, но не забавно ли, что он так рад подобной мелочи? Но здесь так заведено. Мы продаём картины, но иногда кажется, что мы просто имеем дело с человеческими сердцами. Если говорить красиво, это профессия, где важны продажи, а если грубее — наша работа

заключается в том, чтобы угождать людям. До такой степени, что я иногда чувствую лёгкое разочарование.

Госпожа Юми криво усмехнулась, глядя в спину главному редактору, который вместе с Учителем переходил в другой зал, чтобы посмотреть рекомендованную работу.

Прежде чем я успел спросить о причине этой усмешки подробнее, её снова позвали в выставочный зал. Время для светских бесед закончилось, и теперь пришла пора всерьёз продвигать главных героев сегодняшнего дня — картины.

Оставшись за стойкой один, я не знал, куда деть руки от безделья, поэтому убрал пустые стаканы, из которых мы пили, и без всякой причины принялся перекладывать оставшиеся брошюры, как вдруг на стойку упала тень.

— Можно брошюру?

Я поднял голову и увидел улыбающегося мужчину с пассажирского сиденья.

Сама по себе улыбка была приятной, но почему-то в ней было что-то, вызывающее у собеседника дух противоречия. Вероятно, дело было в его характерно лёгком тоне голоса и развязной манере.

Я взял брошюру и протянул ему, но, похоже, сама брошюра его не очень интересовала.

— Я недавно переехал на 32-й этаж. Раньше я жил в частном доме с садом, а переезд в высотку кажется таким тесным и унылым. Не порекомендуете мне картину? Вас зовут...

Мужчина окинул взглядом мою грудь, словно в поисках бейджика с именем.

— Со Е Хён.

Мужчина, который пристально смотрел на меня глазами, полными смеха, легко покачал головой.

— Даже ваше имя в моём вкусе.

Пробормотал он это с интонацией, в которой сквозила растерянность.

С той самой минуты, как я увидел его у главных ворот, он, как бы это сказать... вёл себя кокетливо, но больше чем наполовину это походило на шутку, и поскольку я не получал никаких прямых предложений, я не находил причин как-то особенно реагировать. Похоже, он

и не ждал от меня реакции. С самого начала и до сих пор этот мужчина разговаривал сам с собой и сам себя развлекал.

— Я бы хотел, чтобы господин Е Хён порекомендовал мне одну работу. Что-нибудь, что поможет мне немного расслабиться.

— Я всего лишь временный помощник на сегодня...

— Ничего страшного, просто порекомендуйте одну. Я просто приму это к сведению.

Президент и госпожа Юми уже занимались клиентами. Учителя и господина Джухана нигде не было видно, возможно, они обслуживали клиентов в другом зале. Мне это было не по душе, но раз уж он просил рекомендации, даже зная, что я временный работник, казалось, не будет никакой проблемы, если я сделаю, как он просит.

— Куда вы думаете её повесить?

— Хм-м... если это та, что порекомендуете вы, господин Е Хён, я бы хотел повесить её в своей спальне...

Сделав многозначительный акцент на слове «спальня», мужчина улыбнулся. Я посмотрел на его беззаботное лицо, улыбающееся, как у стереотипного плейбоя из телесериала, а затем вышел из-за стойки.

В выставочном зале висело около 50 работ.

Это была совместная выставка шести или семи художников, принадлежащих галерее: кто-то выставил всего две работы, а кто-то — десять и больше. Поскольку я всю предыдущую ночь помогал с подготовкой, у меня в голове сложилось общее представление о том, где какая картина висит.

Без колебаний я пошёл вперёд и остановился перед работой, написанной на квадратном холсте, 53 сантиметра в ширину и в высоту.

Странная кубистическая интерпретация с весёлым и живым мультяшным стилем. Но, в противоположность этому, картина была написана в тёмных и тяжёлых тонах.

— Эту? Эту картину?

Словно не понимая, почему я рекомендую именно эту картину, мужчина переспросил несколько раз. Я дважды твёрдо кивнул.

Посмотрев мгновение то на картину, то на меня, мужчина обернулся и огляделся, словно кого-то ища, а затем окликнул президента, который беседовал с тремя-четырьмя людьми перед большим произведением в стиле поп-арт.

— Вей Кун, подойди на секунду.

Президент, извинившись перед собеседниками, подошёл.

Я и сам был не то чтобы низким, хотя и не исключительно высоким. Губы мужчины с пассажирского сиденья были примерно на уровне кончика моего носа, а губы президента — на уровне кончика носа того мужчины. Его рост, должно быть, был легко за 190 сантиметров.

Подойдя, он снова сделал такое выражение лица, будто его всё раздражает. Что ж, милая улыбка всеобщего любимца, вероятно, была излишней опцией перед мужчиной с пассажирского сиденья и мной.

Стоя боком, засунув одну руку в карман брюк, он взглядом, говорившим «переходи к делу», поторопил мужчину с пассажирского сиденья.

— Я попросил его порекомендовать картину для моей спальни, и он порекомендовал мою работу. Что ты об этом думаешь?

Взгляд президента обратился ко мне. Наше знакомство длилось всего два дня, но за всё это время он ещё ни разу так долго на меня не смотрел. Это был также первый взгляд, который не был ни безразличным, ни враждебным.

Не взгляд альфа-льва, наблюдающего за движениями слоняющегося поблизости странного зверя, чтобы определить, не представляет ли он угрозы для его прайда, а глаза, которые смотрели на меня, Со Е Хёна, как на личность.

Когда его взгляд, изучавший меня так, словно он хотел получить информацию обо мне через мои глаза, отвёлся, только тогда до меня дошло ошеломляющее совпадение: картина, которую я порекомендовал, была работой того самого мужчины, который эту рекомендацию и получил.

— Как, по-вашему, эта картина мне подходит?

— То, что вы художник этой картины... я не знал.

— Вы, вероятно, и не знали. Я ничего не говорю по этому поводу, мне просто любопытно, почему вы порекомендовали мне именно эту картину.

Мужчина с пассажирского сиденья, казалось, всю наслаждался этой ситуацией.

— Вы скажете мне честно? Пожалуйста.

Неужели он так жаждал честного мнения, что даже добавил слово «пожалуйста»? Я ещё раз взглянул на картину, поверх спины мужчины, который смотрел на мои губы, сложив руки, словно в молитве.

Я всегда был погружён только в собственное рисование; меня никогда не интересовало мнение других людей о моих картинах. Но, вспомнив то чувство от одной награды и тогдашней критики, я не мог сказать, что совсем не понимаю, что сейчас чувствует мужчина передо мной.

Переводчик и редактор: Mart Propaganda.

<http://bllate.org/book/14776/1317957>